

РОМАНТИЧЕСКОЕ БЕЗУМИЕ: Ф. ШЕЛЛИНГ И В. ОДОЕВСКИЙ¹

А.М. Винкельман

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Университет Кёльна

Научно-учебная лаборатория трансцендентальной философии

Аннотация: В статье рассматривается понятие безумия (Wahnsinn) у В. Одоевского и Ф. Шеллинга. Понятие безумия – одно из ключевых для романтической литературы и философии; его синонимы – хаотичное, темное, жуткое, бессознательное, ночь, тяжесть. Однако Одоевский и Шеллинг справедливо указывают на продуктивный, творческий аспект безумия. В то время как Одоевский говорит о том, что четкую границу между безумием и не-безумием провести невозможно, Шеллинг в «Штуттгартских лекциях» утверждает за безумием право называться базисом, основой сознания. Оба автора согласны в том, что безумие является важнейшей характеристикой собственно человеческого, которую нельзя «отбросить» как страшную и не поддающуюся осмыслению, но, напротив, следует внимательно изучить, так как безумие – ключ к понимаю творческой силы и тайны человеческой души.

Ключевые слова: немецкий романтизм, русский романтизм, Шеллинг, Одоевский, безумие.

Влияние Ф. Шеллинга на В. Одоевского – факт, который можно доказать как биографическими свидетельствами², так и тем, что Одоевский в «Русских ночах» прямо ссылается на Шеллинга. Влияние это *позитивное*. Одоевский не вступает в полемику, напротив, он подхватывает идеи Шеллинга и пишет, сравнивая философа с Колумбом, что тот открыл человеку «его душу»³.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00100).

² См. например: *Одоевский В.Ф.* Беседа В.Ф. Одоевского с Шеллингом / (запись в путевом дневнике). Берлин. 26 июня 1842 // Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. С. 142.

³ *Одоевский В.Ф.* Русские ночи / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой. Л.: Наука, 1975. С. 16.

Тезис кажется спорным. Особенно потому, что Одоевский подчеркивает – Шеллинг открыл душу в XIX веке⁴. Однако разве не о душе главным образом говорила философия со времен Аристотеля? Я постараюсь показать, что речь идет о душе в совершенно особом смысле – имеется в виду ее иррациональный, *темный* элемент, который как для Шеллинга, так и для Одоевского означает собственно человеческое в человеке.

Обоих авторов принято рассматривать в рамках романтической традиции, одно из ключевых понятий которой – гений. Разрабатывает его, правда, еще И. Кант в «Критике способности суждения» (1790): «Гений – врожденная способность души (*ingenium*), посредством которой природа дает искусству правила»⁵. Способность гения – дар природы. Потому, подобно природе, гений никогда не может объяснить, как именно он создает гениальное произведение. Несмотря на то, что гений невозможен без упражнения и работы над техникой, Кант настаивает на некоей «сверх-рациональности» этой способности, в том смысле, что гений может совершенно особым образом ухватить многообразие опытных данных. Иначе говоря, гений видит все не так, как обычный человек. Здесь же Кант указывает, что само понятие *гений*, по всей видимости, происходит от слова *genie* и связано с *духом* (*Geist*). Это различие очень важно при переходе от Канта к Шеллингу и от Шеллинга к Одоевскому.

Гений, по Канту, возможен только в искусстве, в науке гения быть не может: «[В]сему тому, что Ньютон изложил в своем бессмертном труде о началах философии природы <...> все-таки можно научиться; но невозможно научиться вдохновенно создавать поэтические произведения, как бы подробны ни были предписания стихосложения и как бы превосходны ни были образцы»⁶. Ньютон мог объяснить и сделать наглядными *шаги*, он, по Канту, двигается как бы от первоначала к целому, его деятельность дискурсивная. Получается, что, пока ученый ищет «формулу» мира, он всегда только на пути к целому. Гений, напротив, всегда уже имеет целое; он создает прекрасное, самое важное для которого – принцип целого.

Однако из «Критики способности суждения» все же следует, что гений – это рассудочная способность, а рассудок служит науке. Как же тогда возможно, что гений и наука несовместимы? Так ли это?

⁴ Там же. С. 15.

⁵ *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО, 1994. С. 148.

⁶ Там же. С. 150.

Как любой романтический автор, Шеллинг воспитан Кантом. В «Системе трансцендентального идеализма» (1800) он воспроизводит основные положения учения о гении из «Критики способности суждения», делая при этом явным то, что только имплицитно присутствовало у Канта: «Гениальность, безусловно, отсутствует там, где некое целое, каковым является система, создается по частям, как бы складывается из них. И наоборот, наличие гениальности следует, по-видимому, предположить там, где идея целого, несомненно, предшествует возникновению частей»⁷.

Получается противоречие: гений – рассудочная способность. Однако именно в науке, главным инструментом которой является рассудок, гения быть не может. Шеллинг проясняет самое существенное различие между гением и великим ученым: первый движется от целого к произведению, второй только стремится к целому, но никогда его не достигает (ведь для этого нужно было бы особым образом ухватить сразу *все* многообразие мира). На мой взгляд, именно из ощущения этого противоречия вырастает один из самых главных позитивных проектов немецкого романтизма – проект *поэтизации науки*.

По поводу этого проекта так или иначе высказался почти каждый немецкоязычный романтический автор XVIII–XIX веков. Самая яркая и проработанная программа, пожалуй, у Новалиса: мир должен быть «романтизирован», точнее – *поэтизирован*. Не секрет, что именно в эпоху романтизма были совершены одни из самых значимых открытий в области физики; например, были открыты электричество и магнетизм. Не менее подробно, чем в научных терминах, эти явления были описаны на языке литературы. Ироничным образом, в этом видят слабость эпохи – якобы не хватало одного только языка науки, чтобы описать электричество и магнетизм. Это лишь отчасти так. То, как художественная литература работает с естественнонаучными явлениями, скорее свидетельствует о силе художественного языка и о том, что романтический проект объединения науки и искусства не провалился: Гофман, Лихтенберг, Новалис, Шеллинг – авторы, которым действительно удалось сформулировать естественнонаучные положения на языке искусства.

Одоевский, будь он немецкоязычным автором, пожалуй, тоже оказался бы в этом ряду. Его «Русские ночи» – текст, который и в содержательном, и в эстетическом отношении очень близок немецкому романтизму.

⁷ Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 481.

Вторая ночь «Русских ночей» – самая философская. В ней Одоевский солидаризируется с Шеллингом, который, как следует из текста, лучше других понимал и тонко прочувствовал как человеческую душу, так и саму жизнь со всей ее непредсказуемостью и иррациональностью.

Устами Фауста Одоевский обрушивает едкую критику на современное ему положение дел в науке. Проблема не в том, что наука развивается слишком медленно, и не в том, что нет прогресса. Академическое сообщество не понимает цели и сути науки: «Ни одна нить ее покрова не приподнята; мы населили природу собственными произведениями своей лаборатории, дали одно имя различным веществам, различные имена одному веществу, тщательно описали их, – и осмелились назвать это наукою!»⁸ По той же причине кризис вот-вот постигнет и поэзию: «Философическим ножом вы раскрыли состав ее, рассекли таинственные связи, которыми соединяются ее стихии, разобрали их, оцифровали, положили под стекло...»⁹

Тут виден романтический пессимизм Одоевского – ведь как объединишь науку и искусство, если ни того, ни другого в строгом смысле слова и нет. О связи же науки и искусства он пишет так: «Они похожи на повязку, которой ленивая нянька обвила голову ребенка, чтоб он, падая, не проломил себе черепа; но эта повязка не спасает от частых падений, она не предохраняет тела от болезней и – что всего важнее – нимало не способствует его органическому развитию»¹⁰. Но является ли это диагнозом эпохи? И есть ли позитивная программа, или же Одоевский просто фиксирует тот факт, что наука, набрав скоростные обороты в своем прогрессе, бездумно и механически движется вперед, сметая все на своем пути? В «Русских ночах» мы не найдем ответа на этот вопрос. Но именно он приведет нас к первой, самой важной теме – проблеме души и гения.

Между безумной и не-безумной мыслью, полагает Одоевский, различие провести не так-то просто: «Какое различие между понятием одного сумасшедшего, что, когда он движется, движутся все предметы вокруг его, и доказательствами Птоломея, что вся солнечная система обращается вокруг земли?»¹¹ Отсюда вопрос: имеет ли что-то общее состояние поэта и гения-изобретателя?

⁸ Одоевский В.Ф. Русские ночи. С. 20.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 25.

Одоевский посвящает большой фрагмент философскому анализу этого сходства. У сумасшедших, пишет он,

все понятия, все чувства собираются в один фокус; у них частная сила одной какой-нибудь мысли втягивает в себя все родственное этой мысли из всего мира, получает способность, так сказать, отрывать части от предметов, тесно соединенных между собою для здорового человека, и сосредоточивать их в какой-то символ. Мы говорим – понятия сумасшедших нелепы: но никакой здоровый человек не в состоянии собрать в один пункт столько многообразных идей о предмете. <...> Для всякого открытия нужно пожертвовать тысячами понятий, общепринятых и кажущихся справедливыми: оттого не было почти ни одной новой мысли, которая бы в минуту своего появления не казалась бреднями¹².

Потому и получается, что сумасшедшим называют человека, который находит между предметами соотношения, которые обывателю покажутся попросту невозможными.

Однако же именно в этом, как мы помним из Канта, и состоит специфика способности гения. Гений видит *многообразное* особым образом: «<...> то, что мы часто называем безумием, экстагическим состоянием, бредом, не есть ли иногда высшая степень умственного человеческого инстинкта, степень столь высокая, что она делается совершенно непонятною, неуловимою для обыкновенного наблюдения?»¹³ – пишет Одоевский.

Если мы ретроспективно сравним прочитанное в «Русских ночах» с Кантом и Шеллингом, то станет ясно, что Одоевский оказывается более радикальным теоретиком и не исключает *научного гения*. Однако любопытную и заслуживающую отдельного исследования проблему гениальности в науке мы все же оставим, так как пока не решен более фундаментальный вопрос: нет ли в представлении о сумасшествии и безумии того, что поможет разрешить задачи, решение которых – как пишет сам Одоевский – «до сих пор укрывал[о]сь от людей с здравым смыслом»¹⁴.

Одоевскому едва ли можно приписать стройную философскую систему – скорее, глубокие философские интуиции. Потому имеет смысл об-

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же.

ратиться за теоретической поддержкой к автору, которым сам Одоевский был в высшей степени инспирирован – к Фридриху Шеллингу.

Начиная с 1809 года Шеллинг постепенно перестраивает свою философскую систему: натурфилософия отходит на задний план; Шеллинг больше увлечен онтологией и этикой. Программный текст, где впервые звучат близкие Одоевскому романтические, почти мистические мотивы, – «Философские исследования о сущности человеческой свободы». В нем Шеллинг решает проблему совместимости *системы* и *свободы* и вводит для этого различие внутри первосущности: Бог есть *actu* – рассудок, свет, порядок, и *prius* – бессознательное, темное, хаотичное¹⁵. Такого рода динамический, органический дуализм Шеллинг полагает единственно правильным и способным разрешить противоречие между системой и свободой.

Однако через несколько месяцев после выхода «Философских исследований» в частной жизни Шеллинга происходит трагическое событие – скоропостижно умирает его жена Каролина. Шеллинг еще долго не опубликует какой-либо философский текст. Только спустя год для узкого круга слушателей состоится курс «Штутгартские частные лекции» (1810), которые содержательно станут продолжением и развитием «Философских исследований».

Отгалкиваясь от упомянутого разделения внутри первосущности (для человека адекватной аналогией божественного *actu/prius* была бы пара рассудок/безрассудное), Шеллинг проводит различие между человеческим нравом (*Gemüth*), духом (*Geist*) и душой (*Seele*). Безумие (*Wahnsinn*) возникает, когда «прервана проводимость между рассудком и душой»¹⁶. В первом приближении речь здесь идет о вне-категорийном мышлении. Если подойти к этому различению держа в голове всю систему Шеллинга, то мы увидим, что нрав – темное и безрассудное для духа, а дух – темное и безрассудное для души. В этом смысле нельзя сказать, что безумие *проявляется*, но можно сказать, что безумие – отсутствие связи между тремя метафизическими составляющими человека. Тем самым даются ответы и на этические вопросы. Дух – то, что стоит между нравом и душой; в зависимости от того, подчинен дух нраву или душе, человек совершает плохой или хороший поступок.

¹⁵ Ср.: Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметов. С. 107–108.

¹⁶ Шеллинг Ф. Штутгартские частные лекции / Пер. с нем. П.В. Резвых // Философия религии. Альманах: 2008–2009. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 380.

Шеллинг формулирует это и в простых выражениях:

<...> базис самого рассудка есть безумие. Поэтому безумие – необходимый элемент, но только он не должен обнаруживаться, актуализироваться <...> рассудок – упорядоченное безумие. Рассудок может проявиться лишь в своей противоположности, то есть в безрассудном. Люди – не имеющие в себе безумия – это люди пусто-го, бесплодного рассудка¹⁷.

Отсюда важное следствие. Душа человека, которую, по словам Одоевского, Шеллинг *открыл* человеку, содержит в себе безумный, темный элемент, но не как действующий, а как *снятый*. В этом отношении темный и безумный элемент всегда содержится в человеке, более того, он определяет собственно человеческое, ведь Бог, который тоже содержит в себе темное начало (*prius*), передал его человеку в процессе творения.

В безумном, темном, бессознательном начале – исток творчества и творения (*Schöpfung*). Бог, по Шеллингу, творит мир, *преодолевая, снимая* темное начало, как бы отталкиваясь от него. Однако начало это является необходимым, без него творение было бы невозможно. Гений в процессе творчества тоже имеет доступ к бессознательному, к той *сфере*, где многообразие еще не упорядоченно рассудком. Отсюда глубинная общность божественного и гениального, в том смысле, в каком Кант говорит о происхождении слова гений от слова *дух*.

Если понимать гений как Дух в шеллингианском смысле, перестанет быть столь острым противоречие между тем, что хотя гений и рассудочная способность, но гениальность невозможна в науке. Это хорошо понял Одоевский, хотя у самого Шеллинга это не так¹⁸.

Влияние романтической традиции на современную культуру едва ли можно переоценить – вся современность пронизана романтическими концептами, хотят ли их сохранить и переосмыслить или стремятся отбросить и уничтожить. Проблема безумия, полагаю, относится к первой группе. Она позволяет по-новому взглянуть на открытие *души*, на от-

¹⁷ Там же. С. 381.

¹⁸ Тут требуется уточнить, что различие нрава, духа и души Шеллинг делает в работе 1810 года, тогда как проблеме гения посвящен фрагмент 1800 года. Иными словами, в момент возникновения этого различия Шеллинг уже не был занят размышлениями о «Критике способности суждения» и проблеме гениальности в науке.

крытие, которое было сделано (тут я все же не соглашусь с Одоевским) еще на заре философии, но которое, как это часто бывает с гениальными открытиями, не решило вопросов, а только поставило новые, и их еще предстоит обдумать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО, 1994. 441 с.
2. *Одоевский В.Ф.* Беседа В.Ф. Одоевского с Шеллингом / (запись в путевом дневнике). Берлин. 26 июня 1842 // Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. 224 с.
3. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой. Л.: Наука, 1975. 317 с. («Литературные памятники»).
4. *Шеллинг Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с.
5. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметов // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 636 с.
6. *Шеллинг В.Ф.Й.* Штутгартские частные лекции / Пер. с нем. П.В. Резвых // Философия религии. Альманах. 2008–2009. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 315–396.

Литература и философия: От романтизма к XX веку.
К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского

**Русская литература и философия:
пути взаимодействия**

Выпуск 3

Научное издание

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Т. Шапошникова*

Подписано в печать 16.11.19. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 200 экз. Печ. л. 41,25

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322–38–30

16+

